

Н.Д. Голев, Л.Г. Ким

Кемеровский государственный университет

**Об отношениях адресата, автора и текста
в парадигме лингвистического интерпретационизма**

Исходные положения. Обозначенная в заглавии статьи проблематика исследования вписывается в русло таких современных научных направлений, как коммуникативная и интерпретативная лингвистика. Мы ставим перед собой задачу выявления диалектических отношений текста в процессе его функционирования в качестве одного из фазисов разворачивающейся коммуникативной цепочки «АВТОР – ТЕКСТ – АДРЕСАТ» в ее «адресатоцентричном» направлении, т.е. осуществляем анализ не «слева направо» («автороцентричный»), а «справа налево», ориентируясь на интеракционную модель коммуникации.

Исследователи называют три основных коммуникативных модели: информационно-кодovou, инференционную и интеракционную [Дементьев, 2006; Макаров, 1998].

Информационно-кодová модель, восходящая к александрийским грамматикам, коммуникацию сводит к процессу передачи информации: говорящий и слушающий оснащены (де)кодирующими устройствами и мыслительными процессорами, хранящими и перерабатывающими «информацию» или «мысль». Данная модель соответствует системно-структуралистской концепции языка, и ее вряд ли можно признать собственно коммуникативной, т.е. учитывающей реальный механизм взаимодействия говорящего – слушающего, а также особенности речевых реализаций «языка-системы».

Инференционная модель, у истоков которой стоял Герберт Пол Грайс, использует принцип выводимости знания: говорящий, вкладывая смысл в высказывание, демонстрирует свои интенции. Иницирует процесс общения желание говорящего не столько передать информацию, сколько сделать свои интенции доступными адресату. Содержание высказываний не ограничено репрезентативными сообщениями о положении дел – оно, помимо этого, может содержать скрытые (инференции) и модусные смыслы.

Информационно-кодovou и инференционную модели коммуникации, находящиеся, по мнению М.Л. Макарова [1998], в отношениях дополнения и пересечения, объединяет такое представление о механизме общения, в соответствии с которым главенствующая роль отводится говорящему.

В *интеракционной модели* общение понимается не как одностороннее воздействие говорящего на слушающего, а как коммуникативное взаимодействие двух субъектов: общение – «это не сложение <...> параллельно развивающихся (симметричных) деятельностей, а именно взаимодействие субъектов» [Ломов, 1984, с. 252; цит. по: Дементьев, 2006, с. 58]. Такая модель отвечает запросам современной коммуникативной лингвистики и позволяет адекватно описать динамику отношений адресата, автора и текста.

В основе развиваемой нами концепции лежит интеракционная модель коммуникации в ее «адресатоцентричном» варианте, в соответствии с которой описывается процесс функционирования текста в «пространстве адресата».

Небольшой экскурс в историю вопроса. Традиционный для классической филологии подход к тексту как опредмеченной коммуникации предполагает, в первую очередь, рассмотрение его как воплощение авторского замысла. Текст при таком понимании представляет собой **результат** речетворческой деятельности автора и является необходимым компонентом диады АВТОР – ТЕКСТ. Роль читателя в этом случае, конечно, не отрицается, но в определенной мере редуцируется.

Развиваемый нами «адресатоцентристский» подход, ориентированный на стратегию воспринимающего, стратегию читателя не является новаторским. Так или иначе об этом говорили Э. Гуссерль, основоположник феноменологии, сформулировавший идею о «феноменологической редукции»; А.А. Потебня, рассматривавший деятельность говорящего и слушающего и описывавший процесс понимания как возбуждение мысли слушающего; М.М. Бахтин, Б. Брехт, Р. Барт, П. Рикер и другие отечественные и зарубежные исследователи. Теоретические положения о деактуализации автора и роли читателя (адресата) в коммуникативном процессе воплощены в эстетике эпического театра Б. Брехта с его теорией «очуждения» [Брехт, 1965] и сформулированы в работах видных представителей французской семиотической школы.

Так, в очерке с характерным заглавием «Смерть Автора» Р. Барт доказывает, что в современной ему литературе намечился процесс десакрализации образа Автора, получивший мощную поддержку и теоретическое обоснование в лингвистике. Автор всего лишь тот, кто пишет. «Скриптор, пришедший на смену Автору, несет в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо, не знающее остановки...» [Барт, 1994, с. 388]. Устранение Автора делает напрасными всякие притязания на «расшифровку» смысла текста: смысл фокусируется не в письме, а в чтении [Там же]. Тем самым Р. Барт, с нашей точки зрения довольно категорично, утверждает главенствующую роль читателя в сохранении целостной сущности текста.

Исследования М.М. Бахтина, посвященные феномену диалогической природы текста и процессу вовлечения читателя в диалог с автором, хотя и не устраняют последнего, но также акцентируют мысль об активной ментально-продуцирующей деятельности читателя в процессе восприятия художественного текста [Бахтин, 1986].

Лингвофилософские и эстетические концепции Б. Брехта, Р. Барта, М.М. Бахтина и других исследователей, развивающих идеи о взаимоотношениях автора и читателя, а также роли адресата в процессе смысловоплощения текста и коммуникативном процессе в целом, оказались востребованными современными гуманитарными науками с их общей рецептивной эстетикой и методологическим принципом, получившим название *интерпретирующий подход*, или *интерпретицизм* [Демьянков, 1981; 1982; 1994; 1995]. Этот методологический подход реализовал себя в философской и юридической герменевтике, в литературоведческих теориях читателя (например, в своей монографии с характерным заглавием «Чтение» Л.Ю. Фуксон [2007], развивает концепцию чтения как интерпретации), а также в лингвистических и психолингвистических исследованиях текста как объекта восприятия, понимания и интерпретации, т.е. заметно смещение акцента с «автороцентричности» в сферу «адресатоцентричности» (см., например, работы: [Богин, 1986; Долинин, 2005; Залевская, 2001; Марова, 2006; Мурзин, Штерн, 1991; Фуксон, 2007; Шехтман, 2005] и др.).

«Адресатоцентристская» направленность анализа соотносится с произошедшей в последние десятилетия сменной научной парадигмы: «ориентация не на порождение текста, в принципе невозможное без предварительной гипотезы о его глобальной структуре, а на его семантическую интерпретацию» [Падучева, 1996, с. 196].

Итак, «адресатоцентричность» и интерпретационизм как общие принципы современных научных концепций, безусловно, находятся в отношениях взаимодетерминированности. При этом мы не исключаем и «автороцентричности» интерпретации, т.е. порождение-интерпретацию текста с позиции автора, который выделяет фрагмент действительности, наблюдает его, акцентирует опорные узлы фрейма, ставя их в коммуникативный фокус, придавая ту или иную модальность, осуществляет отбор языковых средств и контроль за ходом и восприятием высказывания (текста). Признавая, таким образом, авторскую интерпретацию текста, мы, однако, рассматриваем ее не как единственно возможную и, следовательно, «правильную», а как одну из предлагаемых, имеющую такие же права, что и интерпретация читателя.

Мы полагаем, что для современного этапа лингвистической науки назрела необходимость построения целостной «адресатоцентристской» концепции интерпретационной деятельности, которую (концепцию) условно можно назвать *лингвистическим интерпретационизмом* или “*лингвоинтерпретатологией*”. Одной из составляющих этой концепции является описание *интерпретационного функционирования текста*, выявления единиц его реализации и моделирование отношений в пределах *интерпретационного поля текста*. Наша статья представляет собой попытку внести вклад в создание этой концепции, которую мы предполагаем реализовать не только в виде теоретического конструирования, но и в виде обобщения результатов экспериментального исследования (некоторые из таких экспериментов описаны нами в [Голев, Ким, 2007, с. 80-88; Ким, 2007, с. 294-299]).

Анализ работ, посвященных в той или иной мере проблемам интерпретации, позволяет говорить о двух взаимосвязанных, но дифференцированных подходах: рассмотрение интерпретации в онтологическом и гносеологическом планах (подробнее об этом см.: [Голев, 2007, с. 43-51]). В языковой онтологии *интерпретируемость* – важнейшее свойство системно-языковых и речевых единиц, обусловленное двойственной природой языкового знака (его произвольности и условности – с одной стороны – и стихийности и конвенциональности – с другой) и субъективно-креативной природой языковой деятельности. Интерпретируемость находит проявление в разнообразных видах речевой деятельности (первичных – говорение и понимание – и вторичных – комментирование, редактирование, чтение, перевод и другие). В гносеологическом плане лингвистический *интерпретационизм*, характеризующий современную лингвистику [Демьянков, 1981; 1994] и имеющий разные формы проявления, основывается на положении о том, что значения «вычисляются» интерпретатором, а не содержатся в языковой форме, воплощающей замысел автора [Демьянков, 1995, с. 245]. Более того, собственно лингвистическое видение языковой формы, на наш взгляд, позволяет высказать предположение относительно того, что форма также содержит в себе потенциал интерпретируемости, реализуемый в конкретном интерпретационном акте.

Интерпретация как когнитивная деятельность представляет собой «получение на основе одного, “исходного” – интерпретируемого – объекта другого, отличного от него объекта, предлагаемого интерпретатором в качестве равносильного исходному на конкретном фоне ситуации, набора презумпций и знаний» [Демьянков, 1982, с. 327].

Такое представление коммуникативного процесса, роли адресата и текста как объекта интерпретации во многом соотносится с идеями постмодернизма о способе бытия истины. Один из видных представителей этого философского направления Поль Рикер обосновал положение о том, что истина зависит от метода. Опираясь на идеи З. Фрейда о скрытом смысле, который «прячется в явном смысле», П. Рикер говорит, что роль всякой конструкции «состоит в том, чтобы показывать, скрывая» [Рикер, 1995, с. 17]. Вводя в научный оборот понятие ин-

терпретации, он подчеркивает, что «интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов» [Там же, с. 18].

Фокус нашего внимания сосредоточен на функционировании языкового механизма, явленного нам во взаимодействии таких компонентов коммуникативной структуры, как АВТОР – ТЕКСТ *автора* – АДРЕСАТ – ТЕКСТ *адресата*. Сущность этого механизма заключается, с нашей точки зрения, в том, что текст в процессе его функционирования в «пространстве адресата» предстает в виде множества смысловых вариантов как результат рецептивно-интерпретационной деятельности. Поиски в этом направлении позволят понять и объяснить, почему пользователи одного языка одно и то же речевое произведение «прочитывают» по-разному. Объяснять этот феномен только индивидуальными, социально-психологическими особенностями языковой личности адресата или непониманием им, неспособностью постичь авторский замысел – значит перевести решение проблемы с исследования объективных и универсальных свойств языковых единиц (среди которых находится и свойство быть «сигналом» и источником интерпретационной деятельности адресата) и общего механизма речевого функционирования в область субъективно-личностного восприятия и понимания текста. Кроме того, это означает представить механизм речевого функционирования только в парадигме АВТОР – ТЕКСТ – АДРЕСАТ, изображая при этом когнитивную деятельность адресата лишь как процесс декодирования интенции автора. Такой подход, с нашей точки зрения, существенно упрощает, а следовательно, не отражает реальных коммуникативных процессов, в том числе действия механизмов когнитивно-интерпретационной деятельности адресата.

«Отчуждение» («редукция») автора в коммуникативной системе «Я – Другой». Усложнение и модификацию традиционно представленной коммуникативной модели АВТОР – ТЕКСТ – АДРЕСАТ посредством включения в нее таких компонентов, как ТЕКСТ *автора* и ТЕКСТ *адресата* (т.е. перемещение текста в системе «Я – Другой» [Лотман, 2004, с. 150-390]) неизбежно предполагает «редукцию», точнее, «ослабление», одного из компонентов (автора). Этот процесс Р. Барт охарактеризовал следующим образом: «Рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [Барт, 1994, с. 391]. Необходимый комментарий по этому поводу. С одной стороны, «редукция» автора имеет гносеологическое обоснование: предлагаемая схема интерпретационной деятельности, безусловно, не отрицает наличия исходного элемента модели, т.е. реального, персонифицированного автора. Необходимость абстрагирования, его условного «исключения» определяется задачами исследования механизма взаимодействия других ее компонентов (ТЕКСТ – АДРЕСАТ), т.е. такая редукция здесь, скорее, деактуализация образа автора, чем его отрицание. Но есть и другая сторона – онтологическая, отражающая сложную диалектическую природу текста как речевого **произведения** и как некой объективной **данности**. Реальная, персонифицированная личность автора, его интенция и ее речевое воплощение являются актуально значимыми в процессе **создания** текста, на этапе, когда текст осмысливается как **результат** реализации авторского замысла.

Разумеется, если исследователь решает задачу реконструкции авторского замысла как такового, то эта его задача будет входить в область генетического объяснения данного речевого произведения. Если же такую интенцию имеет рядовой реципиент этого произведения, то ее реализация будет иметь более метаязыковой (метатекстовый) характер, чем характер естественной речевой деятельности, направленной, во-первых и сначала, на восприятие и понимание текста как бы «для себя», а во-вторых и далее – на «коммуникативное понимание» (взаимопонимание). При этом смысловой базой понимания на первом этапе становится собственно семантическое согласование компонентов текста в ближайшем окруже-

нии, которое при коммуникативной необходимости все более расширяется, включая все новые и новые и все более глубинные содержательные слои. На психологическом уровне этот процесс базируется на чувстве перцептивной правильности речевого произведения – от внешней (например, синтагматической, грамматической), далее – семантической и наконец – внутренней (прагматической). На определенном этапе семантизации текста (на уровне интерпретированного текста, т.е. текста как результата интерпретации) необходимо возникает такой фациенс (структурный компонент), как «подразумеваемый» автор в его виртуальном бытии, которого можно с некоторыми оговорками признать одним из компонентов интенциональности. При такой трактовке интерпретационной деятельности текст предстает не в традиционной формуле «текст есть опредмеченная речевая деятельность его автора», а в формуле «текст есть распределенная (=интерпретируемая) в языковом сознании сущность». Таким образом, цепочка АВТОР – ТЕКСТ *автора (И-1)* – АДРЕСАТ – ТЕКСТ *адресата (И-2)* (где *И-1* – *интерпретируемый* текст, текст как объект восприятия и интерпретации, а соответственно *И-2* – результат интерпретации, *интерпретационный* текст) раздваивается по законам диалектики: раздвоение целого на части и приобретение частями самостоятельности. С другой стороны, движение по цепочке «справа налево» все более «ослабляет» образ реального автора, который при этом если не редуцируется, то во всяком случае нейтрализуется, модифицируется в образ «подразумеваемого» автора, который по своим генетическим и функциональным признакам может в большей или меньшей степени коррелировать (но не отождествляться) с образом реального автора: в большей степени в художественном тексте, в меньшей – в фольклорных текстах или текстах официально-делового стиля, например, в законодательном тексте. Актуализация же образа некоего реально персонифицированного, а не «подразумеваемого» автора, безусловно, возможна, но, очевидно, всего лишь как частный случай интерпретационной деятельности метатекстового характера, например, при проведении процедуры лингвистической экспертизы, цель которой заключается в идентификации текста и его автора. Ее иллюстрацией может быть, например, развитие одной из сюжетных линий романа А.И. Солженицына «В круге первом»: перед заключенными-физиками была поставлена задача – исследовать акустические параметры звучащего текста и установить совершенно конкретную личность его автора.

«Отчуждение» автора в коммуникативной системе «Я – Я». Следует подчеркнуть, что множественность интерпретации текста есть не просто неизбежность, обусловленная невозможностью совмещения (согласования) двух сознаний: реального автора и реального адресата (хотя и это, безусловно, справедливо). Множественность интерпретации возможна даже в процессе *автокоммуникации*, т.е. в такой коммуникативной системе, которую Ю.М. Лотман [2004] обозначил как «Я – Я», при этом информация перемещается не в пространстве, а во времени. Исследователь описывает модель автокоммуникации и доказывает, что исходное сообщение перекодируется и приобретает новый смысл. «Передача сообщения по каналу «Я – Я» не имеет имманентного характера, поскольку обусловлена вторжением извне некоторых добавочных кодов и наличием внешних толчков, сдвигающих контекстную ситуацию» [Лотман, 2004, с. 165]. Качественная трансформация исходного текста наблюдается, например, при восприятии и осмыслении собственного опубликованного текста, т.е. переведенного в другую систему знаков и помещенного в другой культурно-коммуникативный контекст.

Такая трансформация интерпретации собственного текста довольно часто происходит с авторами научных трудов, с разработчиками текста закона, когда по прошествии какого-то времени они читают собственное произведение и обнаруживают в нем смыслы, которые в свое время и «не вкладывали»: изменился общий научный или событийный контекст, изменилось сознание автора-интерпрета-

тора, а значит, изменилось и его восприятие того же самого текста. Подобная «смена интерпретаций» имеет место не только в ситуации восприятия собственного научного текста, но и в других типах автокоммуникаций (см. многочисленные примеры, которые приводит Ю.М. Лотман). В языке, очевидно, по этому или аналогичному поводу используется выражение *посмотреть другими глазами, взглянуть со стороны, посмотреть с другой стороны*. Этот пример еще раз подчеркивает высказанную выше мысль: реконструкция реального автора и его реального замысла – объяснения не синхронно-функциональной сущности текста, а его генетической природы – задача, безусловно, значимая для филологии и культурологии в целом, но несколько отстоящая от целей нашего исследования.

Адресат – активный субъект речемыслительной деятельности. Как уже было сказано, основу нашей концепции образует представление о коммуникативном процессе не только как о событии реализации авторской интенции, но и (что не менее важно) как о событии встречной мыслительной активности адресата, его семантизирующей реакции на получаемое речевое произведение, его ментально-продуцирующей деятельности. Деятельность адресата – не механическое обратное действие декодирования замысла автора, как это утверждается сторонниками информационно-кодовой модели коммуникации, а креативный и потому относительно самостоятельный и независимый процесс по созданию собственного текста. В этой деятельности наличествует, по-видимому, и собственная интенциональность и соответственно источники энергии. Очевидно, интенция адресата может быть проявленной в большей или меньшей степени: от молчаливой интуитивной рефлексии до осознаваемой и актуализируемой, вплоть до гносеологической, лингвистически сформулированной.

Следовательно, коммуникацию можно представить как двухэтапный процесс: на первом этапе осуществляется реализация и текстовое воплощение замысла говорящего, а на втором – восприятие адресатом текстовой формы и ее интерпретация. Причем только совокупность этих этапов обеспечивает механизм реализации коммуникативного процесса, цель которого состоит, с одной стороны, с позиции автора, в речевой реализации замысла и достижении перлокутивного эффекта, т.е. в согласовании трех составляющих речевого акта, а с другой стороны, с позиции адресата, – в получении некоего «коммуникативного удовлетворения» как результата рецептивной когнитивно-семантизирующей деятельности.

В общем виде механизм такой когнитивной деятельности можно представить следующим образом. В процессе восприятия и семантизации речевого произведения (текста) адресат вписывает его в более широкий контекст: вертикальный и горизонтальный, которые, кстати сказать, также должны найти точки согласования. Вертикальный контекст включает такие его составляющие, как интенция (цель) рецептивной деятельности адресата (иными словами, что хочет извлечь адресат) – семантизация – результат семантизации (извлеченный смысл). Горизонтальный контекст включает такие составляющие, как конкретный текст – широкий контекст – ситуация, причем конкретная ситуация включена в более широкую, в том числе жизненную, предполагающую участие в семантизации жизненного опыта, знания, культуры. Как правило, и говорящий, и слушающий стремятся к успешной коммуникации, причем успешность оценивается в аспекте реализации цели. Но поскольку цели говорящего и слушающего уже по определению разные, то и успешность коммуникации оценивается ими исходя из различных критериев. Следовательно, оценка результата коммуникативного акта его участниками может совпасть (как частный случай) или не совпасть (тоже как один из вероятных, но, наш взгляд, более частотных случаев). Объективная оценка коммуникативного акта как успешного имеет место в том случае, когда сработал сложный механизм согласования всех перечисленных выше составляющих коммуникативного процесса: интенции адресата, чья семантизирующая деятельность вписалась в более

широкий вертикальный и горизонтальный контекст, и, как результат, получение «коммуникативного удовлетворения», – от осознания, что его интенция (установка на понимание) достигла результата (Я ПОНЯЛ!); и интенции автора, воплощенной в речевом произведении, в случае достижения им перлокутивного эффекта от такой деятельности.

Таким образом, представление о коммуникативном процессе как интерактивной деятельности его участников предполагает и расстановку несколько иных, чем это было сделано авторами теории речевых актов [Остин, 1986, с. 22-129; Серль, 1986, с. 151-168] акцентов. При коммуникативно-деятельностном подходе адресату отводится не пассивная роль получателя информации, а, напротив, он рассматривается как активный, создающий собственную ментальную продукцию **субъект** восприятия и интерпретации речевого произведения. Очевидно, это имел в виду А.А. Потебня, когда говорил, что процесс общения не есть передача готовой мысли, и понимание – это «создание известного содержания в себе самом по поводу внешних возбуждений» [Потебня, 1976, с. 183], дающих только направление творческой мысли, настраивающих слушающего гармонически с говорящим. Слушающий, «понимая слово, создает свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, место, сходное с местом мысли говорящего» [Там же, с. 307]. Текст в этой парадигме является не только **результатом** смыслоплощающей, речетворческой деятельности говорящего, но и отправной точкой, стимулом когнитивных процессов слушающего, **объектом** восприятия и в то же время **результатом** интерпретации.

И следовательно, классическое представление Аристотеля о коммуникативном процессе как трехэлементной структуре: «самого говорящего, предмета, о котором он говорит, и лица, к которому он обращается и которое есть, собственно, конечная цель всего» [Аристотель, 2000, с. 14] – в рамках данной работы представит в ином виде: адресат есть, с одной стороны, с позиции говорящего, конечная **цель** коммуникативного процесса и одновременно он есть **начало** следующего этапа коммуникации.

Все сказанное позволяет утверждать, что вариативность интерпретации одного и того же текста разными адресатами или одним адресатом в разных ситуациях (контекстах) есть неизбежность и целесообразная необходимость, обусловленная стремлением адресата-интерпретатора к реализации своей цели – извлечь информацию, вписывая интерпретируемый текст в существующий контекст (ситуацию) и используя при этом привычные интерпретационные схемы. Вполне закономерным, очевидно, является такое положение дел, при котором обыденное языковое сознание не может действовать иначе, нежели в режиме субъективной интерпретации, мягкой семантизации и приблизительного отождествления (подробнее об этом см.: [Голев, 2006, с. 8-36]).

Текст как импульс интерпретационной деятельности. Смещение акцентов в цепочке АВТОР – ТЕКСТ *автора* – АДРЕСАТ – ТЕКСТ *адресата* осуществляется и по линии статуса текста. Во-первых, как уже было сказано, в речевом функционировании происходит процесс «отчуждения» текста от реального автора. Становясь частью речевой стихии, текст сохраняет генетические связи с автором, его интенцией, но при этом утрачивает такие же функциональные связи, поскольку из пространства автора текст перемещается в пространство адресата, т.е. перемещается по цепочке «Я – Другой», где актуализируется «правый» фациенс коммуникативной модели – содержательно-смысловые характеристики текста, причем в субъективном преломлении восприятия адресатом. Значимым становится не «ЧТО ХОТЕЛ СКАЗАТЬ АВТОР», а «ЧТО СКАЗАЛ АВТОР» или даже (как крайний случай отчуждения от реального автора) «В ТЕКСТЕ СКАЗАНО». Во-вторых, **объектность** текста (текст как объект речетворческой деятельности автора) во фрагменте цепочки АВТОР – ТЕКСТ трансформируется в его **субъект-**

ность. При этом речь идет не только об отчужденности и самостоятельности его бытия (о чем сказано выше), но и о возможности трактовки текста как носителя потенциала его интерпретационного функционирования (интерпретируемости) [Гадамер, 1999, с. 202-242].

Текст как **субъект**, согласно лингвосинергетической теории, есть автономная самоорганизующаяся система, а следовательно, является носителем самоинтерпретации. Текст задает импульс, несет энергетику, направляет и регулирует процессы его интерпретации (ср.: «Литературное произведение отнюдь не только то, что произведено (автором), но и то, что производит (читателя)» [Фуксон, 2007, с. 5]). Заметим, что разные тексты обладают разным потенциалом интерпретируемости и разным потенциалом вариативности интерпретации.

Таким образом, «редукция» структуры коммуникативной модели и перемещение исследовательского фокуса в ее «правую» часть имеет как гносеологические, так и онтологические обоснования.

Рассмотрение текста с «адресатоцентристской» позиции позволяет говорить, с одной стороны, о его положении **объекта** рецептивной полиинтерпретативной деятельности адресата, и, с другой стороны, **субъекта**, характеризующегося сложной семантической организацией и предопределяющего направления его осмысления и интерпретации читателем.

Интерпретационная структура текста адресата. Смысловое содержание текста, получаемого адресатом, т.е. *интерпретируемого* текста, в процессе его (адресата) интерпретационной деятельности преобразуется, в результате чего адресат-интерпретатор имеет на выходе *интерпретационный* текст, смысловое содержание которого при тождестве формы может в большей или меньшей степени, существенно или несущественно, отличаться от смыслового содержания *интерпретируемого* текста. В итоге некий исходный текст в речевом функционировании реализуется рядом (множеством) его «текстосмысловых вариантов» и/или «текстосмысловых омонимов», которые, сохраняя тождество формы, предстают как отличающиеся по своим смысловым характеристикам от исходного (интерпретируемого) текста. Текст И-2 может сохранять некие смысловые точки пересечения с исходным текстом; в этом случае можно утверждать, что текст И-2 находится в отношениях смыслового варьирования с текстом И-1, является его «текстосмысловым вариантом». Но вполне возможна и другая ситуация, когда И-1 и И-2 не имеют смысловых точек пересечения, и тогда следует говорить об отношениях омонимии интерпретируемого и интерпретационного текстов [Колесников, 1981; Лаптева, 2003].

Языковую основу действия этого механизма определяет свойство асимметрии языкового знака [Карцевский, 1965], проявляющееся в том числе и в полевой организации естественной семантики отдельного слова и лексико-семантических групп слов, диффузности семантических границ между членами таких групп, в бесконечной смысловой валентности языкового знака, который стремится к обозначению широкого спектра смыслов при его принципиальной эллиптичности. Таким образом, принцип стихийного существования языка, по А.Ф. Лосеву [1982], с одной стороны, и принцип креативности восприятия, с другой стороны, определяют характер вариативно-интерпретационного существования языка в целом и текстового произведения, в частности.

Учитывая сказанное, можно представить интерпретационную структуру текста следующим образом. «Отчужденный» от реального автора, приписываемый «подразумеваемому» автору интерпретируемый текст в процессе его функционирования в речи реализуется в виде интерпретационного поля, или «интерпретационного веера». Каждый «лепесток» такого веера есть конкретная реализация интерпретационной интенции адресата, воплощенная как единство формы и смысла в виде результата когнитивно-рецептивной деятельности, т.е. интерпретационный

«текстосмысловой» вариант. Обобщение таких вариантов, объединенных общим смыслом, в основе которых лежит одна и та же модель интерпретационной стратегии, есть интерпретационный инвариант. Иными словами, каждый текст представляет собой совокупность потенциальных интерпретационных инвариантов, реализуемых в процессе истолкования его содержания в виде вариантов (подробнее см. об этом: [Голев, Ким, 2007]). При этом характер инвариантов может варьироваться в диапазоне от буквального смысла до конвенционального, а между ними широкий спектр прагматически и личностно (субъективно) обусловленных смыслов. Совокупность интерпретационных вариантов, продуцированных языковым коллективом (или – в другом аспекте – совокупным носителем языка), последовательно обозначим термином «интерпретативное поле» текста.

Заключительные положения. Интеракционная коммуникативная модель в ее «адресатоцентричном» (движение по коммуникативной цепочке «справа налево») варианте позволяет выявить диалектику взаимоотношений АДРЕСАТА, АВТОРА и ТЕКСТА в процессе осуществляющейся коммуникации.

Деактуализируется и деперсонифицируется личность конкретного автора в его диахронно-генетическом бытии, который приобретает статус «подразумеваемого» автора, или «образа автора» в его синхронно-функциональном существовании. «Замысел» автора, его интенция утрачивают значимость конкретно-исторической реальности, приобретая характеристики «образа замысла». Напротив, актуализируется и персонифицируется (в том числе в типологическом отношении) фигура адресата.

Изменение направления разворачивания коммуникативной цепочки сопровождается динамикой субъектно-объектных отношений автора и адресата. Адресат в традиционной «автороцентричной» модели коммуникации, безусловно, имелся в виду говорящим («подразумеваемый» адресат), но ему была уготована пассивная роль объекта, получателя информации, выполняющего декодирующую функцию (согласно информационно-кодовой модели коммуникации) или пассивная роль вторичного субъекта, призванного определить, «вычислить» в том числе скрытые смыслы (инференции) сообщения и замысел говорящего в целом (инференционная модель). «Адресатоцентричная» модель коммуникации, напротив, актуализирует активную субъектную позицию адресата, деятельность которого предполагает собственную интенциональность.

Согласно «автороцентричной» модели текст представляет собой результат речемыслительной деятельности автора, опредмеченное воплощение авторского замысла (интенциональности). В соответствии с «адресатоцентричной» концепцией, текст есть, с одной стороны, объект интерпретационной деятельности адресата, характеризующейся собственной интенциональностью, а с другой – субъект, порождающий, стимулирующий и направляющий эту деятельность.

Литература

- Аристотель. Риторика. Поэтика. М., 2000.
Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин, 1986.
Богушевич Д.Г. Единица, функция, уровень. К проблеме классификации единиц языка. Минск, 1985.
Брехт Б. Театр: В 5 т. Т. 5. М., 1965.
Гадамер Х.-Г. Текст и интерпретация // Герменевтика и деконструкция / Под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б.В. Маркова. СПб., 1999.

- Голев Н.Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрилингвистика-VII. Язык как феномен правовой коммуникации. Барнаул, 2006.
- Голев Н.Д. Общие и специальные проблемы интерпретации юридических текстов // Проблемы выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим. Новосибирск, 2007.
- Голев Н.Д., Ким Л.Г. Амфиболическое (вариативно-интерпретационное) функционирование текста // Филологические науки. 2007. № 4.
- Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М., 2006.
- Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Серия литература и язык. Т. 40. 1981. № 4.
- Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Известия АН СССР. Серия «Литература и язык». Т. 41. 1982. № 4.
- Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20-го века. М., 1995.
- Долинин К.А. Интерпретация текста: французский язык. М., 2005.
- Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.
- Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.
- Ким Л.Г. Асимметрия языкового знака как потенциал амфиболического функционирования речевого произведения // Системное и асистемное в языке и речи. Иркутск, 2007.
- Колесников Н.П. Синтаксическая омонимия в простом предложении. Ростов-н/Д., 1981.
- Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Л., 1978.
- Лаптева О.А. Речевые возможности текстовой омонимии. М., 2003.
- Лосев А.Ф. Аксиоматика теории специфического языкового знака (стихийность знака и ее отражение в сознании) // Знак. Символ. Миф. М., 1982.
- Лосев А.Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Знак. Символ. Миф. М., 1982.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2004.
- Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
- Марова Н.Д. Парадигмы интерпретации текста. Екатеринбург, 2006.
- Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
- Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
- Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
- Серль Дж.Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
- Фуксон Л.Ю. Чтение. Кемерово, 2007.
- Шехтман Н.А. Понимание речевого произведения и гипертекст. Оренбург, 2005.